

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ

Подходы Азербайджанской Республики к определению правового статуса Каспийского моря

Кепбанов Ё.А.*

Трансформация геополитической ситуации в конце XX столетия и возникновение новых независимых государств в бассейне Каспийского моря обусловили новое соотношение интересов и необходимость внесения существенных изменений в систему международных отношений в этом регионе мира. Это продиктовано исключительной значимостью региона, расположенного на стратегически важном мировом перекрёстке, а также колоссальными запасами энергетического сырья. Именно этим объясняется высокая степень интереса крупнейших мировых держав к Каспийскому региону.

В настоящее время бассейн Каспийского моря является объектом, где пересекаются интересы России, США, Китая, государств Европейского Союза, Ирана, Турции и других стран. Жесткая конкуренция за геополитическое влияние в регионе, за доступ к потенциальным источникам углеводородного сырья превратила его в объект экономического и политического соперничества.

В то же время характер событий и динамика стратегического баланса сил в регионе в значительной степени будут зависеть от политики прикаспийских государств, их подходов в решении вопроса о правовом статусе Каспийского моря.

Каспийская проблематика охватывает широкий круг вопросов. Это вопросы судоходства и рыболовства, рационального использования

---

* Кепбанов Елбарс Аждарович – кандидат юридических наук.

биоресурсов и сохранения экосистемы Каспия, разведки, эксплуатации недр моря. Исключительно важное значение имеют вопросы обеспечения безопасности в бассейне Каспийского моря, создания механизма сотрудничества прикаспийских государств. Их успешное решение во многом связано с правовым регулированием. Только на основе прочной и всесторонней нормативно-правовой базы можно обеспечить механизм долговременного сотрудничества прикаспийских стран, безопасное и стабильное развитие региона, решить весь комплекс каспийских проблем.

Формирование нового международно-правового статуса Каспийского моря сталкивается с определенными сложностями, имеющими весьма негативные последствия для региональной безопасности. Пока не произошло замены устаревших советско-иранских договоренностей на новые, адекватно отражающие изменившуюся ситуацию. Новые условия требуют совместного поиска путей налаживания регионального сотрудничества для решения всего комплекса вопросов Каспия, неотложного внимания к ним со стороны всех прибрежных государств.

Сегодня десятилетняя каспийская эпопея адекватно отражает влияние глобальной политики на расстановку сил в Каспийском бассейне. Изменение геополитической ситуации на Каспии с учётом потенциальных запасов углеводородного сырья невозможно рассматривать в отрыве от геополитики, без участия внерегиональных сил. Это обусловлено не только желанием последних закрепиться в регионе, но и заинтересованностью некоторых прикаспийских стран в их присутствии, так как это обеспечивало экономическую выгоду, и рассматривалось ими, как важный фактор их безопасности. Именно поэтому процесс выработки нового правового статуса Каспийского моря с самого начала носил скорее политический характер, нежели правовой. Не случайно в этой связи **предлагаемые прикаспийскими странами правовые конструкции не только отражают их политико-экономические интересы, но и учитывают влияние глобальной политики.**

В настоящее время существует два подхода в определении правового статуса Каспийского моря, которые характеризуются большим различием и пока не способствуют достижению согласия между прикаспийскими странами. Хотя Россия, Казахстан и Азербайджан договорились о разделе дна Каспия, это не означает, что они окончательно

решили вопрос о статусе водоёма в целом. Свои соглашения они рассматривают как часть общих договоренностей.

Первый подход, сторонниками которого выступают Россия и Иран, базируется на договорах 1921 и 1940 гг. и состоит в том, что они не устанавливали пространственного разграничения на Каспии (за исключением десятимильной рыболовной зоны) и определили его как объект общего пользования. Этими договорами не предусмотрено разграничение национальной юрисдикции на море, т.е. оно не было разделено на национальные сектора¹. Причём «линия Астара-Гасан-Кули никогда не была признана как формальная морская граница между СССР и Ираном»². В целях продвижения вопроса о новом правовом статусе Каспийского моря Россия изменила своё отношение к принципу общего пользования морем. Последнее распространялось только на водную толщу и поверхность Каспия; что касается дна моря, то оно подлежало разделу. Однако такой поворот не нашел поддержки среди многих специалистов России по международному морскому праву.

Второй подход опирается на сложившуюся практику и исходит из того, что на Каспии имел место отдельный принцип пользования морем. На этой позиции стоит Азербайджан. Ранее такой позиции придерживался также Казахстан. Туркменистан выступает за гибкость подходов при выработке статуса Каспия. Его устраивает как принцип секторального раздела моря, так и преобладавшая ранее концепция кондоминиума. Главное для Туркменистана при любом варианте – чтобы в полном объёме были учтены интересы прибрежных стран, чтобы сотрудничество на Каспии строилось на основе взаимоуважения, равноправия и взаимной выгоды.

Хотя упомянутые договоры 1921 и 1940 гг. обошли вниманием проблему делимитации суверенитетов на Каспии, не определили юридические границы между СССР и Ираном, эксперты Азербайджана утверждают, что секторальное использование Каспия существовало де-факто между прикаспийскими государствами ещё со времен Советского Союза. Это обосновывается тем, что «Каспийское море и его мине-

---

¹ Фёдоров Ю.Е. Правовой статус Каспийского моря. М.: МГИМО, 1996. С. 31; Дьяченко С.Б. Проблема правового статуса Каспийского моря // Московский журнал международного права. 1995. № 3. С. 73; Барсегов Ю.Г. Каспий в международном праве и мировой политике. М.: ИМЭиМО РАН. 1998. С. 6; Колодкин А. Выступление на международной конференции «Каспий: правовые проблемы» // Международная жизнь. 2002. № 4. С. 43-44.

² Фёдоров Ю.Е. Указ. работа. С. 31.

ральные ресурсы не рассматривались как объект совместного владения, что подтверждается в первую очередь осуществлявшейся на протяжении десятилетий деятельностью на Каспии. Сложившаяся в эти годы практика, которая представляет собой неотъемлемый элемент правового статуса Каспия, свидетельствует о том, что на Каспийском море всегда доминировал принцип его раздельного секторального использования»³.

Эксперты Азербайджана признают, что правительство бывшего Советского Союза не было сторонником официальной делимитации Каспийского моря. Вместе с тем существование «де-факто» условной морской границы по линии Астара-Гасан-Кули, установленной решением комиссара НКВД в 1935 г., они рассматривают в качестве главного аргумента раздельного использования Каспийского моря⁴ и в конечном счёте признают Каспий пограничным озером⁵.

Основанием для утверждения такого подхода служит также существование в бывшем СССР условных разделительных линий на море между союзными республиками, принятых решением Министерства нефтегазовой промышленности СССР в 1970 г. в целях хозяйственного освоения Каспия.

Таким образом, Азербайджан относит Каспий к числу пограничных озёр и предлагает разделить его на национальные сектора, которые будут являться частью суверенной территории прикаспийских государств. Соответственно разделу подлежат дно, водная толща и водная поверхность Каспийского моря. Раздел на сектора между прибрежными государствами должен осуществляться по принципу «срединной линии» (линия, которая является равноудаленной от ближайших точек береговой линии противлежащих государств).

Выдвижение подобной концепции преследует прежде всего экономические интересы Баку. Оскудение нефтяных запасов на суше толкало Азербайджан к ускоренному освоению новых месторождений на шельфе Каспия. На конец 1997 г. из недр Азербайджана было добыто 1355 млн. т нефти, из них 930 млн. т было получено из скважин на

³ Халафов Х. Выступление на международной конференции «Каспий: правовые проблемы» // Международная жизнь. 2002. № 4. С. 17.

⁴ Мамедов Р.Ф. Международно-правовая делимитация Каспийского моря. – Баку, 2001. С. 9-10.

⁵ Мамедов Р.Ф. Международно-правовой статус Каспийского моря как пограничного озера // Московский журнал международного права. 1999. № 1. С. 110-117.

суше и 425 млн. т пришлось на морскую добычу. По данным ГНКАР на 1 января 1998 г., остаточные запасы нефти на 38 сухопутных месторождениях Азербайджана составили 155 млн. т. Средняя степень их выработанности оценивается в 87%. В то же время остаточный потенциал разрабатываемых в то время 17 морских месторождений равнялся 135 млн. т, а степень их выработанности составляла 59%, средняя производительность каждой из более чем 5400 эксплуатационных скважин ГНКАР на суше составляла 0,7 т нефти, тогда как более чем 1730 морских скважин производили в среднем 14,4 т нефти в сутки каждая⁶.

Энергетическая зависимость Азербайджана от морских источников нефти существенно повлияла на его политику на Каспии. Объявив в одностороннем порядке, без учёта мнений других прикаспийских государств, о своём секторе на Каспии и о своих притязаниях на ресурсы, Азербайджан инициировал подписание 20 сентября 1994 г. контракта на разработку углеводородов с участием ряда зарубежных нефтяных компаний Запада и создал международный нефтяной консорциум.

Западный вектор политики Баку был обусловлен необходимостью привлечения инвестиций для освоения углеводородного сырья на морском шельфе и создания необходимых гарантий безопасности страны. Безопасность в энергетической политике Азербайджана за счёт Запада имеет исключительно большое значение, поскольку позволяет Баку проводить свои интересы на Каспии с сознанием присутствия здесь законных интересов других прибрежных государств. В свою очередь нефтяные корпорации Запада сделали ставку на Азербайджан как на наиболее благоприятного партнера для проникновения своего влияния в этот регион и гаранта получения прибыли.

Безусловно, концепция пограничного озера широко применяется в международной практике, и при согласии всех прибрежных государств могла бы быть учтена при формировании международно-правового статуса Каспия. Однако методы, которые взял на вооружение Азербайджан в процессе реализации этой концепции, вызвали крайне негативную реакцию со стороны прикаспийских государств, выступивших с резкими заявлениями о его неправомерных действиях.

Первоначально Россия, а затем Иран и Туркменистан официально направили в адрес ООН и Азербайджана ноты протеста. Причём та-

---

⁶ Куртов А. Каспийское море: непоследовательность России наносит ущерб национальным интересам. Нефтегазоносные структуры Каспия. Чьи они? // nasledie.ru 15 апреля 2000 г.

ких протестов в адрес Азербайджана со стороны указанных стран было несколько. В этой связи вызывает недоумение высказывание Р. Мамедова, что «Азербайджанская Республика при выборе того или иного средства всегда исходила из благих намерений достижений равноправной выгоды, без желания вступить в тяжбу с кем-либо, действовать без обмана, шантажа и других некорректных действий. Нередко при выборе ориентира в нефтяной дипломатии приоритет отдавался политике «открытых дверей» или «сбалансированной политике»⁷. Не случайно в этой связи возникает вопрос: почему некоторые прибрежные государства при защите своих интересов на Каспии вынуждены были обратиться к крайним мерам, задействовать свои вооруженные силы? Очевидно, что действия Азербайджана шли вразрез с интересами других прибрежных государств и до сих пор вызывают напряженность в отношениях между участниками каспийской пятерки. Они не способствовали «налаживанию отношений Азербайджана со всеми без исключения ближайшими соседями на подлинно продуктивных, а не мифологических конъюнктурных основах»⁸.

Закрепление в новой Конституции республики (1995 г.) положения о существовании национального сектора на Каспии с юридической точки зрения означает односторонний отвод (аннексию) определенной части акватории моря и распространение на него суверенитета Азербайджана. Не имея договоренностей с другими прикаспийскими странами о координатах прохождения разграничительной линии на море, Азербайджан, произвольно определив очертания своего сектора, приступил к освоению нефтяных месторождений, обосновывая это так называемой «традиционно сложившейся практикой на Каспии».

Несмотря на отсутствие международно-правового регулирования вопросов разработки и освоения углеводородов на Каспии, Азербайджан, опираясь на никем не признанное правовое нововведение, под различными предлогами продолжает работы на спорных территориях. Причём в основе такого подхода лежит практика хозяйственного освоения Каспия, имевшая место в советское время, и утверждается, что нефтяные месторождения на море якобы были открыты и осваивались азербайджанскими специалистами.

Не случайно в этой связи возникли споры и разногласия относительно нефтяных месторождений на Каспии сначала между Азербайд-

⁷ Мамедов Р.Ф. Нефтяная политика Баку // Международная жизнь. 2001. № 3. С. 51.

⁸ Куртов А. Указ. статья.

жаном и Россией, а затем между Азербайджаном и Туркменистаном, а также Азербайджаном и Ираном. Эти споры продолжаются и по сей день.

В концепции Баку по Каспию в целом, и в азербайджано-туркменском споре в частности, обращает на себя внимание следующее. В обоснование своей позиции Азербайджаном делается ссылка к древнеримскому праву как средству решения спорных вопросов. Описывая правомерность применения принципов древнеримского права к территориальным спорам на Каспии, Р. Мамедов выделяет принцип «*uti possidetis*», означающий: «кто освоил месторождение раньше всех, тот продолжает владеть», то есть, «другими словами, вопреки пожеланиям и претензиям оспаривающегося государства, мировая практика и общие принципы права защищают право первооткрывателя и право освоения. Право собственности на месторождение сохраняется только за старым владельцем, и любые попытки лишить его этого права могут привести к нежелательным последствиям»⁹.

Кроме того, по мнению Р. Мамедова, «территориальные споры на Каспии можно решать и с помощью других принципов древнеримского права: «приобретение или освоение территории в прошлом»; «давность владения»; молчаливое признание принадлежности территории; «эстоппель» и т.д.¹⁰

Р. Мамедов отмечает, что «в споре между Азербайджаном и Туркменистаном применение этих принципов древнеримского права, безусловно, предопределяет правоту первой стороны. Почти все нефтяные месторождения в Каспийском море были открыты Азербайджаном (Азербайджанской ССР) в советский период. При этом с момента открытия они находились в постоянном владении в начале Азербайджанской ССР, а затем Азербайджанской Республики¹¹. Интерпретируя далее принцип молчаливого признания, он пишет, что «Азербайджан долгое время осваивал нефтяные месторождения в «туркменских водах». Но ведь этот процесс продолжается почти 30–40 лет, так почему же до сих пор (до 1997 г.) Туркменистан молчал, скорее молчаливо признавал нефтепромысловую деятельность Азербайджана на территории, которую он считает своей? Мы сталкиваемся с молчаливым

---

⁹ Мамедов Р.Ф. Международно-правовая делимитация Каспийского моря. – Баку. 2001. С. 46–48.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 48.

признанием прав Азербайджана и эстоппелем, которые порождают юридическую ответственность Туркменистана за свои действия в течение 1997-2001 гг., направленные против прав собственности и территориальных прав Азербайджана в бассейне Каспийского моря¹².

Безусловно, никто не оспаривает возможность применения в качестве доказательств по поводу территориальной принадлежности государств принципов древнеримского права. Однако они (принципы) не могут быть использованы в качестве таковых применительно к Каспийскому морю и союзным республикам – субъектам бывшего СССР.

Признание принципа «традиционно сложившейся практики на Каспии» и применение его к бассейну Каспийского моря неоправданно, как с точки зрения законодательства и практики бывшего Союза, так и по отношению к существующим принципам и нормам международного права.

Это обусловлено тем, что в рамках единого общесоюзного государства, каковым являлся Союз ССР, земля и её недра, включая нефтегазовые ресурсы, являлись исключительной собственностью СССР. Данное положение было зафиксировано как в Конституции СССР, так и в общесоюзном законодательстве. В частности, в статье 3 Закона СССР «О континентальном шельфе» было записано: «Естественные богатства континентального шельфа являются государственной собственностью СССР. Под естественными богатствами континентального шельфа понимаются минеральные и прочие неживые ресурсы поверхности и недр морского дна...»¹³. Далее статья 4 Закона предусматривала порядок ведения работ на шельфе и устанавливала, что «в целях разведки и разработки естественных богатств континентального шельфа компетентные власти СССР будут давать разрешения на возведение сооружений и иных установок... Упомянутые сооружения и установки, а также зоны безопасности вокруг них находятся под юрисдикцией СССР»¹⁴.

В соответствии со статьей 2 Положения об охране континентального шельфа СССР, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 11 января 1974 г., проведение работ на континентальном шельфе допускалось после их регистрации в порядке, устанавливаемом за-

---

¹² Там же. С. 50-51.

¹³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. №6. Ст. 40.

¹⁴ Там же.

конодательством СССР¹⁵. Советским геологам и нефтяникам хорошо был известен этот порядок, и полномочия Азербайджанской ССР, как и всех других прикаспийских республик бывшего Союза ССР, в рассматриваемой области вообще отсутствовали.

Финансирование отраслей, связанных с разработкой и добычей нефтегазовых ресурсов осуществлялось из общесоюзного бюджета, а в свою очередь эти отрасли находились в подчинении общесоюзных органов управления (министерств и ведомств).

Всё это, бесспорно, свидетельствует, что союзные республики, в том числе и Азербайджанская ССР, не являлись собственниками углеводородного сырья на Каспии и соответственно не могли владеть ими. Только один этот факт свидетельствует о неприемлемости принципа «uti possidetis», что автоматически снимает вопрос об использовании других принципов. Следовательно, это обстоятельство характеризует несостоятельность предложенной Азербайджаном концепции и свидетельствует о том, что не Туркменистан следует обвинять в полной юридической безграмотности, а противоположную сторону.

Нельзя признать принадлежность месторождений углеводородных ресурсов какой-либо из бывших прикаспийских республик на основании того, что во времена СССР они были разведаны и разрабатывались их специалистами. Нетрудно понять смысл такого подхода, который состоит в том, чтобы в одностороннем порядке присвоить результаты многолетней деятельности советских нефтяников на Каспии, инфраструктуру, созданную совместными усилиями бывших республик СССР.

По необходимым организационным, производственным и финансовым ресурсам освоение нефтяных месторождений на Каспии было не под силу ни для одной из бывших республик Союза ССР. Нефтегазовая отрасль, как упоминалось выше, находилась в подчинении общесоюзных органов управления. Поэтому не случайно при реализации задач по освоению нефтегазовых месторождений на Каспии было задействовано около двух десятков общесоюзных министерств и ведомств. Все предприятия, учреждения и организации, расположенные в бассейне Каспийского моря и связанные с освоением нефтегазовых ресурсов, являлись подразделениями этих общесоюзных министерств, то есть были союзного подчинения. В частности, организацией, осуществляющей работы на Каспии, являлось Всесоюзное промышлен-

---

¹⁵ СП СССР 1974. № 3. Ст. 18.

ное объединение «Каспморнефтегаз», непосредственно подчинённое Министерству нефтегазовой промышленности СССР. В организационную структуру этого ВПО входило Производственное объединение «Челекенморнефтегаз», расположенное в г. Челекен Туркменской ССР.

Таким образом, тезис об участии в работах по освоению каспийской нефти преимущественно азербайджанских структур и специалистов не соответствует действительности. Месторождения на Каспии разрабатывались в одинаковой мере как туркменскими, так и азербайджанскими нефтяниками, а если быть точнее, в этих работах принимали участие советские специалисты из разных республик бывшего Союза ССР.

Не оправдана ссылка и на решение Министерства нефтегазовой промышленности СССР, в соответствии с которым было произведено секторальное деление советской части акватории Каспия в целях его хозяйственного освоения. Во времена СССР, как и сейчас, ведомственный нормативный акт не может служить основанием для установления административно-территориального деления, в том числе и на Каспии. В Союзе ССР эти вопросы решались на уровне закона и являлись прерогативой высших органов государственной власти СССР.

Признание «принципа сложившейся практики» не сочетается также и с требованиями норм международного права и современной ситуацией на Каспии. В соответствии с международным правом нельзя считать сложившейся практикой отношения, которые устоялись внутри одного какого-либо государства. Имеются в виду отношения между союзными республиками в рамках единого общесоюзного государства. Такой практикой признаются отношения, которые складываются между суверенными государствами.

Попытки провести аналогию с международным обычаем в отношениях между государствами бассейна Каспийского моря вынуждают обратиться к Статуту Международного Суда ООН, где обычаем определяется как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» (ст. 38, п.1 «b»)¹⁶ и предполагает его признание всеми прикаспийскими государствами.

Кроме того, решение камеры Международного Суда ООН от 12 октября 1984 г. гласит, что «делимитация морских границ между государствами, противлежащими или смежными побережьями не может быть осуществлена одним из этих государств в одностороннем поряд-

¹⁶ Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: «Бек». 1996. С. 14.

ке. Такая делимитация должна достигаться и реализовываться посредством заключения сторонами соглашения, являющегося итогом переговоров, проводимых в духе доброй воли и направленных на достижение позитивного результата».

И ещё: действия Азербайджана на Каспии идут также вразрез с советско-иранской договорной практикой по Каспию, которая сохраняет свою юридическую силу до определения нового международно-правового статуса моря.

Во-первых, Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г. содержит положение о том, что «государства – участники Содружества гарантируют в соответствии со своими конституционными процедурами выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР»¹⁷.

Во-вторых, Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г. предусматривает, что «когда часть или части территории государства отделяются и образуют одно или несколько государств, независимо от того, продолжает ли существовать государство-предшественник, любой договор, находившийся в силе в момент правопреемства государств в отношении всей территории государства-предшественника, продолжает находиться в силе в отношении каждого образованного таким образом государства-преемника» (ст. 34, п. 1)¹⁸.

В этих случаях должен строго соблюдаться принцип сохранения договорных обязательств, принятых ранее существовавшим государством. Включение в Конвенцию указанного положения подчеркивает незыблемость закрепленного в Уставе ООН общепризнанного принципа международного права «*pacta sunt servanda*» (договоры должны соблюдаться), имеющего исключительно большое значение в современных международных отношениях.

Положения ст. 34, п.1 Венской Конвенции 1978 г. «не применяются, если:

- а) соответствующие государства договорились об ином или
- б) из договора явствует или иным образом установлено, что применение этого договора в отношении данного государства-преемника было бы несовместимо с объектом и целями этого договора или коренным образом изменило бы условия его действия»¹⁹.

---

¹⁷ Там же. Т. 2. С. 471.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 155.

¹⁹ Там же. Т. 1. С. 156.

Таким образом, если Азербайджан считает неприемлемой советско-иранскую договорную практику, тогда вопрос о прекращении действия договоров либо их изменении должен решаться не в одностороннем порядке, а в строгом соответствии с положениями указанной международной Конвенции, то есть путём договоренности с другими прикаспийскими странами.

Важно в данном случае сослаться на известных специалистов в области международного морского права. «Обязательная сила статуса Каспия для новых прикаспийских государств, – подчёркивает профессор Ю. Барсегов, – имеет и более широкую международно-правовую основу. Статусы морских пространств общего пользования обязательны для вновь появляющихся государств и не могут меняться их односторонними действиями»²⁰. Такое изменение возможно только с согласия всех прибрежных государств и только в порядке, установленном международным правом. Отступления от этих требований «могут и должны рассматриваться как нарушение международного права»²¹. Профессор А. Колодкин указывает на то, что «режим Каспия как объекта совместного пользования всех прикаспийских государств остаётся неизменным до того момента, пока ими не будет заключено новых соглашений, изменяющих эти положения»²².

В дальнейшем, с привлечением инвестиций и инвесторов к освоению шельфа Каспия, позиция Азербайджана стала постепенно меняться. Первоначально в июле 1998 г., по итогам визита делегации Российской Федерации в Баку, Азербайджан выразил готовность подписать соглашение с Россией о разграничении дна Каспийского моря. В Совместном заявлении Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, принятом 9 января 2001 г., Азербайджан согласился, что к консенсусным решениям по Каспию следует продвигаться поэтапно, причём на первом этапе целесообразно разграничить его дно.

В дальнейшем данный вариант раздела Каспия нашёл своё закрепление на уровне соглашений, подписанных Азербайджаном с Республикой Казахстан (29 ноября 2001 г.) и Российской Федерацией (23 сен-

---

²⁰ Барсегов Ю.Г. Каспий в международном праве и мировой политике. М.: ИМЭМО РАН. 1998. С. 7.

²¹ Там же.

²² Международная конференция «Каспий: правовые проблемы» // Международная жизнь. 2002. № 4. С. 44.

тября 2002 г.), что окончательно подтвердило позицию Баку по донному разделу моря.

Таким образом, Азербайджан относит Каспий к числу пограничных озер и предлагает разделить его на национальные сектора, которые будут являться частью суверенной территории прикаспийских государств. Соответственно разделу подлежат дно, водная толща и водная поверхность Каспийского моря. Вместе с тем на данном этапе переговорного процесса Азербайджан поддержал позицию «делим дно, а вода общая» в качестве промежуточного этапа на пути его полного секторального деления. В то же время Баку прекрасно осознаёт, что никакого продолжения в разделе Каспия не будет. Это обусловлено тем, что, говоря о разделе дна Каспия, Россия вкладывает сюда совсем иной смысл, нежели Азербайджан. Если Баку при разделе моря на национальные сектора имеет в виду их как части суверенной территории прибрежных государств, то Россия говорит об установлении на дне Каспия не территориальной, а ресурсной юрисдикции, то есть о суверенных правах прибрежных государств на недропользование. И это понятно. Полный секторальный раздел Каспия (включая дно и водную толщу) не может быть пригодным с точки зрения национальных интересов России, так как такой подход предельно жестко ограничивал бы и как никогда ослаблял бы её позиции в Каспийском регионе. С точки зрения как региональной, так и глобальной геополитики, Россия утрачивала бы свободу плавания на Каспии и, соответственно, контроль в его бассейне.

Представляется, что на сегодняшний день концепция раздела дна Каспия при общей воде является наиболее оптимальным вариантом в формировании архитектуры безопасности и обеспечения баланса сил в бассейне Каспийского моря. Такой подход в качестве компромиссного предлагался ещё в начале 1995 г.²³, однако понадобилось десять лет, чтобы признать его в качестве оптимального. Вот почему представляется, что концепция, предлагаемая Азербайджаном, не реализуема с точки зрения геополитической ситуации в регионе и не только не обеспечит необходимого баланса интересов региональных и внерегиональных сил, но и, возможно, явится источником возникновения конфликтов и напряженности в отношениях между ними.

---

²³ Кепбанов Ё.А. Международно-правовые аспекты внешней политики Туркменистана // Государство и право. 1995. № 4. С. 106.